

ИВАНОВА С. А.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ Б. РЫЖЕГО

Аннотация. В статье анализируется художественное своеобразие поэзии Б. Рыжего. В ходе исследования выявляются ведущие мотивы и образы лирики современного русского поэта, рассматривается специфика используемых им изобразительно-выразительных средств, а также большое внимание уделяется анализу его поэтического языка.

Ключевые слова: современная поэзия, лирический герой, автобиографизм, мотив, художественный образ, поэтический язык.

IVANOVA S. A.

ARTISTIC ORIGINALITY OF B. RYZHY'S POETRY

Abstract. The article presents an analysis of the artistic originality of B. Ryzhy's poetry. The study focuses the main motifs and images of a modern Russian poet. An analysis of the poetic language reveals the specifics of expressive means used by the poet in question.

Keywords: modern poetry, lyrical character, autobiographical feature, motif, image, poetic language.

Современная поэзия отличается богатством имен, разнообразием творческих практик и стилей. На рубеже XX-XXI веков в одном поэтическом пространстве сосуществуют поэты разных творческих ориентаций: от традиционалистов до авангардистов-экспериментаторов [2]. На общем фоне современной отечественной поэзии отчетливо выделяется трагическая фигура Бориса Рыжего, к сожалению, очень рано ушедшего из жизни. Из своих двадцати шести лет он почти целое десятилетие посвятил поэзии. Первые его публикации датируются началом 1990-х годов. Всего им было написано более 1300 стихотворений, из которых было издано около 350.

Несмотря на то, что он входит в литературу эпохи советского периода, его, как отмечают исследователи, нельзя назвать советским поэтом. Ю. Казарин пишет, что творчество Б. Рыжего «не укладывается в рамки ни советской духовности, ни советской поэзии» [9, с. 519]. Исследователь предлагает свою формулу: Б. Рыжий был не только «последним советским поэтом», «но и первым несветским, постсоветским поэтом, которому удалось совместить гармонично и достаточно в полной мере три типа поэтики: поэтику «золотого века», свинцового (XX век) и новейшую» [9, с. 519]. По утверждению Е. Рейна, «Борис Рыжий был самый талантливый поэт своего поколения» [7]. И. Шайтанов также отмечает, что «и своей талантливостью, и характером дарования, и трагической

ранней смертью Борис Рыжий обречен сейчас на внимание, популярность и на разного рода преувеличения» [10, с. 519].

Поэзия Б. Рыжего популярна, по праву заслужила высокие оценки литературоведов и критиков [1], однако, на наш взгляд, творчество Б. Рыжего требует более глубокого и детального осмысления. Необходимо обратить особое внимание на художественное своеобразие его лирики, которое отчетливо проявляется в образах лирического героя и города, в их непосредственном взаимодействии и взаимообусловленности. Невозможно рассматривать образ лирического героя без погружения в обстановку.

Лирика Б. Рыжего во многом автобиографична, что реализовалось в образах лирического героя и города, а также и в образе времени, в котором жил поэт. Он пишет о реальных событиях, местах, людях, с которыми был лично знаком, встречался. Не единожды образ лирического героя обретает отчетливые черты самого поэта: «Вот я закончил Горный институт» [9, с. 40], «Тот, со шрамом, Рыжий Боря. / Этот – Дозморов Олег – / филолог, развратник, Дельвиг, / с виду умница, бездельник. / Первый – жлоб и скандалист, / бабник, пьяница, зануда» [9, с. 45]. Себя самого поэт не раз называет настоящим именем: «А, пустяк», – сказали только, / выключая ближний свет, – / это пьяный Рыжий Борька, / первый в городе поэт» [9, с. 53]. Мы видим практически полное отождествление лирического героя и автора. От этого часто появляется глубокий минорный лейтмотив на страницах книги «Типа песня». В ней звучит мечта – быть поэтом, которая раздавлена реальностью. Следует отметить, что и собирательный образ города, преимущественно на фоне которого проходит жизнь поэта, вторит в унисон лирическому настроению.

Поэт обладал тончайшим чувством прекрасного. Самое первое стихотворение сборника «Типа песня» завершают слова о важном для поэта: «Три составляющих жизни: смерть, / поэзия и звезда», которые звучат, словно манифест. Б. Рыжий был наполнен глубокими светлыми переживаниями. Громада его романтического героя, самобытна. Эпоха 1990-х годов – сложное время перелома. На этом фоне острым прорисован конфликт лирического героя с окружающим миром. Проявлено одиночество поэта, чей гений наделен сильными чувствами. Вся внутренняя драма разворачивается на фоне обыденных условий жизни. В центр поставлена частная жизнь обычного человека, живущего в самом обыкновенном городе России. Большинство стихотворений Б. Рыжего посвящено его родному городу – Свердловску, который многонационален и пестр по своей природе. Одной из главных его черт поэт называет наличие значных мест, соответствующей им публики и социальных отношений внутри. Например, в стихотворении «Бар “Трибунал”» пренебрежительно дважды сказано о публике заведения, которой дано имя «шваль» [9, с. 10-11]. Этим автор дает понять и то, что не случаен финал произведения, в котором проявлен

намек на типичное городское явление – драку, потасовку: «Ребра бы сломал, / только нас разняли» [9, с. 10-11]. Сама окружающая урбанистическая атмосфера наполнена провокационными моментами, что, впрочем, мы можем назвать чертой эпохи, так как это время «похотливых шакалов», «подонков», «ментов», «урок» или «уркаганов»: «В том доме жили урки – / завод их принимал... / Я пыльные окурки / с друзьями собирал» [9, с. 15].

Поэт не может принять эту грязную, развратную городскую обстановку 1990-х годов, в которой «чтобы избежать скуки и смерти надо танцевать... в окруженье швали...» [9, с. 10-11]. В силу сильного внутреннего стремления к прекрасному, природному началу, к первозданной красоте, Б. Рыжий не может восхищаться излишним неестественным блеском, преступностью, духовной и физической грязью города. Этим можно объяснить любовь и восхищение поэта к небольшим уголкам природы, которая оживляет и возрождает души: «Какой, однако, вырастили сад / В нечерноземной полосе России!» [9, с. 27]. Герой-мечтатель грезит о волшебной далекой реальности. В гнетущую серую обыденность обстановки Урала кровавых 90-х поэт, находясь на психологическом пределе, он вносит воздушные яркие мифологические оттенки античности, волшебных сказок, иной реальности: «Есть мир иной, там нету масок – / ужасны лица и без них. / Есть мир иной, там нету сказок / шутов бесплодных и шутих. / Там жизнь обнажена, как схема, / и сразу видно...» [9, с. 32].

На наш взгляд, поэту созвучны и строки стихотворения Е. Рейна «Из старого сонника», которое начинается с описания целого мира: «Я еще приеду в этот тесный город, / где от Колизея до Адмиралтейства два всего шага; / где зимой и летом над Святой Софией и в Замоскворечье / теплая пурга» [8, с. 347]. В своем произведении «Новое стихотворение Евгений Рейна» Б. Рыжий уже с первых строк вступает в поэтический диалог с поэтом-современником: «...Я еще приеду / в этот тесный город». Но, если Е. Рейн говорит о реально существующих достопримечательностях Санкт-Петербурга, Москвы, Новгорода, Рима, сближая их между собой в пространственном отношении, то Б. Рыжий свою мысль развивает в мифологическом ключе. Поэт вспоминает древнегреческую реку Лету, реку забвения («поглядеться в Лету»). Данный образ позволяет понять, что лирическому герою тесно и душно в этом мире, и он ищет выход из жестокой действительности, пытается перейти в другую реальность, где есть друзья и «розовое небо». Однако Б. Рыжий осознает бессмысленность дальнейшего описания своих грез: «Было бы нелепо / описать все это» [9, с. 24]. Поэтому лаконично поэт завершает свое стихотворение упоминанием символических примет Санкт-Петербурга. В его восприятии город предстает в белом цвете. Однако сквозь светлые оттенки постоянно проступает чернота, грязь: «Белоснежный катер / мокнет на причале / в черносливе water / белыми ночами» [9, с. 25]. В этом показательно

проявлена раздвоенность, противоречивость сознания Б. Рыжего: ощущение тоски от грязного урбанистического пейзажа и желание увидеть светлые оттенки города.

В поэтических строках отчетливо проступает стремление ухода от реальности, в которой невозможно жить. Хотя герой мужественно пытается остаться в ней. При этом он глубоко сопереживает боли других: «Не дал Господь не розовое море / не силы, чтоб с врагами по квитаться – / возможность плакать от чужого горя, / любя, чужому счастьем улыбаться» [9, с. 14].

Томящее чувство одиночества пронизывает образ лирического героя. Не случайно появляется упоминание строк М. Ю. Лермонтова, основной темой стихотворений которого является одиночество: «читает: «выхожу один я на дорогу». / Совсем один? Мне пять неполных лет» [9, с. 38]. Почти двадцать лет Б. Рыжий хранит в памяти это воспоминание. Явно, что чувство тоски, печали пронизывало его с детства, пускай не так остро, как в 1990-е годы, но оно, несомненно, было: «я просто человек и одинок /... Повсюду снег, и смертная тоска, / и гробовая, видимо, доска» [9, с. 30]. Подобное настроение, на наш взгляд, усиливается образом тесного, шумного, многолюдного города, который своим существованием только углубляет диссонанс в душе лирического героя: «С работы возвращаешься домой / и нехотя беседуешь с собой» [9, с. 30]. Сам город – одна из основных причина одиночества, непонимания человека человеком. Подобное состояние усиливается звуками города, его общей атмосферой конца 1990-х годов: «Блатная музыка, ни горечи, ни страха, / одно невежество, бессмыслица, тоска» [9, с. 31].

Неудивительно, что, словно сквозь туман одиночества, проявляются очертания темы самоубийства, эта мысль не повергает героя в ужас, а дает дальнейшую пищу для размышлений: «Убить себя? Возможно, не кошмар, но / хоть повод был бы, такого нет» [9, с. 30-31]. Еще не раз в лирике поэта настойчиво будет звучать тема ухода. Частое использование мотивов смерти или рефлексия о смерти – это одна из отличительных особенностей поэзии Б. Рыжего. Исследователи связывают это с личной трагедией автора. По мнению И. Шайтанова, поэт очень тяжело перенес самоубийство своей возлюбленной, первой школьной любви – Эли, «что навсегда превратило ее в существо почти неземное <...>, а в поэзию впустило тему смерти, уже никогда не оставляющую» [10, с. 524].

Лирический герой переполнен противоречивыми чувствами: «жить тяжело и неуютно», «уютно умирать», «и жизнь растрепана, как блядь, / выходит как бы из тумана / и видит: тумбочка, кровать.../ И я пытаюсь приподняться, / хочу в глаза ей поглядеть. / Взглянуть в глаза и – разрыдаться / и никогда не умереть» [9, с. 108]. Стихи поэта наполнены противоречиями, которые не дают спокойствия, а лишь усиливают внутренний конфликт и надрыв поэта. Боль не просто возникает попеременно и жжет - она постоянная и колкая.

Например, аллитерация в стихотворении «Музе» подчеркивает этот факт: «стучи, стучи, стучи. / Стучи, моя тоска, / Стучи, моя печаль, / у сердца, у виска / <...> / За всех, кто умирал / в удушливой глуши. / За всех, кто не отдал за эту жизнь души» [9, с. 19].

Однако не смотря на все это, в характере лирического героя отчетливо прослеживается бескомпромиссность: он не меняет божественный дар на кучу тряпок, барахла на рынке, не продает себя за временные медяки. Своеобразным манифестом его жизни звучат слова: «Сжирайте свой навар, / мы дар свой не сожрем» [9, с. 20]. И снова легкая воздушная, казалось бы, незаметная, но такая важная приписка через многозначительную паузу многоточия, в конце стихотворения: «... И бабочка у нас / на горле оживет». Таким вот образом где-то резким, но легким, почти невесомым выражено представление поэта об истинном человеке, об истинном поэте. Сердцу героя намного приятнее простые вещи и обычные люди, которые окружают его: «Я любовался человеком / простым и, в сущности, великим» [9, с. 54].

Идеал стойкого, правдивого героя – вот идеал поэта, который остается собой, верным себе до последнего вздоха. Однако заметим, что, чем старше герой, тем был «печальнее мотив, и все печальней» становился [9, с. 259]. От этого и в последних стихотворениях сборника происходит своеобразное осмысление себя, своей жизни: «Только в песнях страдал и любил. / <...> чьи-то книги читал, много пил / и не видел неделями сына» [3, с. 299].

Б. Рыжий в стихотворениях 1996-2001 года уже не юный порывистый влюбленный сумасброд, как вспоминает о его юности Владимир Блинов [4]. Поэт стал философом. Лирический герой более не может также глупо смущаться поцелуям, теперь он взрослый мужчина, на котором лежит ответственность за семью, сына. Но в душе-то он поэт: прежний «мечтатель», который видит все, а, может быть, даже еще обостреннее и болезненнее [3]. Его супруга в одном из интервью отмечала романтический склад характера поэта. Это проливает свет на то, насколько глубоко человек со столь тонкой душевной организацией мог воспринимать лихолетье 1990-х годов. Отсюда и мысли об уходе из этого мира, из гнетущей реальности. Отсюда и попытка выстоять, но с воздушными замками в сознании. Отсюда и та обнаженная до самого дна душевная боль. Отсюда и пьянство, которое, к сожалению, является отличительной чертой времени, а причина кроется в самой природе человека: у поэта отняли идею, ради которой жил с самого начала, ради которой вырослел. И находясь в этом безыдейном хаосе, что еще ему оставалось делать, впрочем, как и многим другим его современникам.

Следует отметить, что те страдания, выпавшие на долю юного Б. Рыжего, сможет пережить не каждый. Начало 1990-х годов: переворот не только в политическом строе, но и в жизненном укладе людей. Массовые закрытия предприятий, безработица, рост преступности

и т.п. И в эту эпоху Борис Рыжий только что вступил во взрослую жизнь, ему немного за двадцать, он окончил институт. Но теперь вместо светлого будущего, о котором многие мечтали, живя в Советском Союзе, непонятные развалины страны, былой «империи счастья». Лирический герой Б. Рыжего испытывает непонятный холод из всех щелей, холод ненужности, заморозивший мечты поэта под спудом хаоса новых порядков и нравов, если их так можно было назвать.

Обратим внимание на небольшое стихотворение 1997 года «Кино». О смене эпох и ломке судеб человеческих поэт говорит лаконично, но в то же время образно, с драматическим надрывом: «Вдруг вспомнятся восьмидесятые / с толпою у кинотеатра / «Заря», ребята волосатые / и оттепель в начале марта. / В стране чугуна изрядно плавится / и проектируются танки. / Житуха-жизнь плывет и нравится, / приходят девочки на танцы. / <...> / Но все равно, кино кончается, / и все кончается на свете: / толпа уходит, и валяется / сын человеческий в буфете» [9, с. 44-45]. Жизнь была не просто прекрасной, она была, по выражению поэта, «житухой».

Сложная эпоха 1990-х годов осталась позади, однако Б. Рыжий не пережил, не выдержал того психологического напора, накала страстей и страданий, что царили в мире, не выдержал поэт «томительно-яркой» серости, что резала нежные глаза его души. Она втоптала его мечту, погребла ее под завалами печали.

Сложность авторских чувств и эмоций выражается через своеобразный поэтический язык. Для передачи всей гаммы драматических чувств поэт использует сочетание жаргонизмов и нецензурной лексики с просторечными словами, поэтизмами и архаизмами: «красавица в осмнадцать лет», «ливень синеокий» [9, с. 87], «или поддавшийся амуру. / Бужу жить, сказал в Тюмени, / никуда из этих мест, / брошу звонкие хореи, / грозный ямб и анапЕст. / Дактиль, дольник, амфибрахий – / вообще забуду на хер» [9, с. 89-90].

Самобытны авторские сравнения. Они просты, их контекстуально-синонимический ряд завершается аллюзией на знаменитые строки А.С.Пушкина: «Стану лучше, стану проще - / как железная кровать, / как березовая роща, / как два слова «вашу мать», / как кружочек, как квадратик, / физик или математик. / Но, друзья, не тут-то было, / и сказала мне она: / я другого полюбила / и другому отдана» [9, с. 90].

Поэзия Б. Рыжего пронизана аллюзиями и реминисценциями из классической литературы: «Умрем, и все начнется вновь. / И вновь на свете повториться / Скамейка, счастье и любовь» [9, с. 229]. Но в отличие, например, от блоковского размышления о вечности, строки Б. Рыжего далее закольцовываются пессимистическими, упадническими настроениями, приводят к совершенно иной развязке поэтического образа: «Я не настолько верю в слово, / Чтобы как в юности, тогда, / Сказать, что все начнется снова. / Ведь не

начнется никогда» [9, с. 320]. Подобный драматизм все сильнее и сильнее будет усиливать тему одиночества, печали, боли, грусти лирического героя в стихотворениях последних лет жизни.

Заметим, что передаче гамме чувств способствует и специфический образ города. Город – это не только фон, на котором происходят события, но и активное действующее лицо. Он значительно оттеняет события, усиливает эмоциональное воздействие на читателя. Город Б. Рыжего – это своего рода внешнее отражение эмоций и переживаний: в 1980-х он солнечный, яркий, радостный, наполненный счастьем. В 1990-х годах данный образ строится на контрасте белого и черного, причем при слиянии этих цветов возникает серый цвет – как непереносимый цвет печали и грусти, а также это цвет заброшенной урбанистической цивилизации. Город, оставаясь статичным, связывает в сознании поэта прошлое и настоящее, чем еще более навеивает печаль и страдание, так как пробуждает прекрасное былое. Этот образ для Б. Рыжего не ограничивается только провинцией. Это емкое явление, вмещающее целый мир, как реальный, так и мир грез.

В итоге причину трагической гибели поэта можно резюмировать несколькими словами в простой формуле: масштабная фигура Б. Рыжего попала в совершенно невозможные условия жизни для творческой, высоко духовной личности. Его переполняли сопереживание, сострадание боли целого мира. Об этом нам говорит и специфика образа лирического героя, тесно связанного с образом самого поэта. О. Ермолаева, составитель сборника «Типа песня», справедливо отмечает: «Читатель найдет в этой книге стихи..., извлеченные из архивов после ... гибели поэта, и воочию увидит главное – драгоценный, ангельский, исторгнутый горем свет» [9, с. 4]. Именно этим и дороги стихотворения Б. Рыжего, писавшего не пером, а кровью своего нежного сердца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудкова С. П. Крупные жанровые формы в русской поэзии второй половины 1980-2000-х годов: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. – Саранск, 2011. – 41 с.
2. Гудкова С. П. «Традиционная» и «авангардная» парадигмы в современном поэтическом пространстве: теоретико- и историко-литературные аспекты проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 4. – С. 210–214.
3. Гудкова С. П., Дубровская С. А., Шаронова Е. А. Система персонажей романа Захара Прилепина «Патологии» сквозь призму карнавализации // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 4. – С. 191–195.

4. Мельников А. Воспоминания о Борисе Рыжем // Русское поле. Содружество литературных поэтов: электронный журнал. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://parus.ruspole.info/node/1780>.
5. Осовский О. Е., Попова И. Л. Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2012. – Т. 7. – № 2. – С. 76–80.
6. Осовский О. Е. Карнавал и карнавальная культура в работах М. Бахтина 1930-1950-х гг. // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 2002. – № 1. – С. 59.
7. Рейн Е. Вся жизнь и еще «Уан бук» // Вопросы литературы. – 2002. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/5/rein.html>.
8. Рейн Е. Избранные стихотворения и поэмы. – М.; СПб.: Летний сад, 2001. – 702 с.
9. Рыжий Б. Б. Типа песня. – М.: Эксмо, 2006. – 352 с.
10. Шайтанов И. О. Дело вкуса: Книга о современной поэзии. – М.: Время, 2007. – 656 с.